

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–261

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–261

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

Научная статья

УДК [811.351.32:003.3](470.6+479.24)

Два алфавита для одного миноритарного языка как угроза его существованию (на примере лезгинского языка)

Р. М. Шамилов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Шамилов Равиддин Мирзоевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, ravidin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

Аннотация. В статье речь идет о нереализованной программе внедрения в Азербайджанской Республике для лезгинского языка, с конца 30-х гг. XX в. и по сей день использующего кириллический алфавит, еще одного алфавита на основе латинской графики. Приводится краткая история письменности лезгинского языка с древнейших времен до наших дней. Проведен анализ текущего положения и состояния лезгинского языка в историческом ареале его распространения – в Республике Дагестан (Россия) и Азербайджанской Республике – и подтверждается его статус миноритарного и уязвимого языка. На основе латинизированного алфавита лезгинского языка, который использовался с 1928 по 1938 г. и, по всей видимости, был предложен в качестве варианта алфавита для лезгинского языка в Азербайджанской Республике, выявляются лингвистические недостатки потенциально возможного перевода лезгинского алфавита на латиницу. На примере лезгинского языка высказывается мнение, что попытка со стороны государства снабдить язык, имеющий в нем статус миноритарного и в некотором смысле даже минорируемого языка, вторым алфавитом, равно как и отсутствие у этого языка письменности вообще, может расцениваться как настоящая угроза его существованию. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие в мире других примеров двуписьменности языков, причем языков, имеющих статус мажоритарных и государственных, развитию и сохранению которых использование еще одного алфавита в другом государстве не представляет практически никакой угрозы, двуписьменность в случае лезгинского языка может деструктивно сказаться на его развитии и вызвать такие социальные риски для его носителей, как утрата этнической и национально-культурной идентичности, разделение народа на две самостоятельные, но лишенные этнического самосознания группы и их последующая необратимая ассимиляция.

Ключевые слова: языковая политика, латиница, кириллица, миноритарный язык, минорируемый язык, лезгинский язык

Для цитирования: Шамилов Р. М. Два алфавита для одного миноритарного языка как угроза его существованию (на примере лезгинского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–261. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Two alphabets for one minority language as a threat to its existence (a case study of Lezgian)

R. M. Shamilov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Ravidin M. Shamilov, ravidin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-4397>

Abstract. The paper deals with the failed attempt of the Republic of Azerbaijan to introduce an additional Latin-based alphabet for the Lezgian language, which has been using the Cyrillic script since the late 30s of the 20th century to the present day. It provides a brief history of Lezgian script from ancient times to the present day, analyzes the current state and condition of Lezgian being spoken on the territory corresponding to its historical base – the Republic of Dagestan (Russia) and the Republic of Azerbaijan – and establishes its status as a minority and vulnerable language. With reference to the Latin-based alphabet of Lezgian which was in use from 1928 to 1938 and apparently has been offered as such in the Republic of Azerbaijan, linguistic disadvantages of the possible transition of Lezgian alphabet to the Latin script are revealed. The example of Lezgian suggests that an attempt by the state to provide a language which is recognized as a minority and, to some extent, even minorized language in it with an extra alphabet, as well as the lack of it at all, can be regarded as a real threat to the very existence of the language. The author concludes that despite the fact that there are a few other examples of biscriptalism represented by majority and official languages, to the development and existence of which the simultaneous use of another script in another country poses no threat, in case of Lezgian the biscriptal-

ism could have a destructive impact on its development and cause social risks such as the loss of ethnic and cultural identity of Lezgian speakers, the division of the Lezgi people into two separate groups totally devoid of ethnic consciousness and their subsequent irreversible assimilation.

Keywords: language policy, Latin script, Cyrillic script, minority language, minorized language, Lezgian

For citation: Shamilov R. M. Two alphabets for one minority language as a threat to its existence (a case study of Lezgian). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-254-261>, EDN: HGRXPU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время в мире насчитывается порядка 6–7 тыс. языков, подавляющее большинство которых продолжают оставаться бесписьменными и сегодня и обладают статусом так называемых миноритарных (или региональных) языков. Если руководствоваться определением, данным в Европейской хартии региональных и миноритарных языков (European Charter for Regional and Minority Languages), под миноритарным (или региональным) следует понимать язык «традиционно используемый в пределах определенной территории государства гражданами этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства» и «отличающийся от официального(-ых) языка(-ов) этого государства» [1, р. 2] (здесь и далее перевод наш. – Р. Ш.). Понятие «территория, на которой используется региональный или миноритарный язык» определяется как «географический район, в котором упомянутый язык является средством общения части населения» [1, р. 2]. Во избежание недоразумения при трактовке этой дефиниции в параграфе 34 Пояснительного доклада к указанной Хартии содержится важное, на наш взгляд, уточнение, которое заключается в том, что территория, на которой региональный или миноритарный язык используется значительной частью населения, даже если исключительно этническим меньшинством, должна соответствовать историческому ареалу распространения этого языка [2, р. 6].

Миноритарные языки, будучи наиболее уязвимыми к воздействию со стороны различных факторов, негативно сказывающихся на их витальности (жизнеспособности), нередко фигурируют в списках языков, занесенных в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (далее – Атлас) [3], постоянно актуализируемого издания ЮНЕСКО, содержащего сведения о языках, которым в той или иной степени грозит участь вымирания. В зависимости от степени угрозы – если не брать в расчет категории «безопасный» (safe) и «стабильный, но не без угрозы» (stable threatened) – языки группируются по следующим пяти категориям:

– уязвимый (vulnerable). К этой категории относят языки, на которых говорит большинство детей, но употребление которых может ограничиваться отдельными сферами применения (например, дома в общении с родителями и более старшим поколением);

– есть угроза исчезновения (definitely endangered). Эта категория включает языки, которые дети больше не учат дома в качестве родного. Самое молодое поколение, говорящее на этом языке, – родители. Родители могут продолжать общаться с детьми на родном языке, но дети им на родном уже не отвечают;

– под серьезной угрозой исчезновения (severely endangered). Сюда относят языки, на которых говорит исключительно старшее поколение. Родители понимают этот язык, но не используют его в общении друг с другом и со своими детьми;

– на грани исчезновения (critically endangered). Эта категория объединяет языки, которыми владеют исключительно люди самого старшего поколения. Но даже в этом случае знание языка, как правило, частичное, и он используется крайне редко из-за недостаточного количества оставшихся носителей;

– вымерший (extinct). Вымершими можно считать языки, на которых больше никто не говорит и носителей которых не осталось [3, р. 11–12].

Упомянутый Атлас был разработан на основе данных, представленных в документе ЮНЕСКО [4], который содержит результаты исследования, проведенного специальной экспертной группой ЮНЕСКО. В этом документе перечисляются девять факторов, с учетом которых можно осуществить оценку жизнеспособности языка. Шесть из них – передача языка от поколения к поколению, общее количество носителей языка, доля носителей языка в общей численности населения, области употребления языка, использование языка в новых областях и СМИ, наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности (см.: [4, р. 7–12]) – ранжированы как основные, один – вид и качество документации (см.: [4, р. 16–17]) – служит, скорее, определению срочности документирования языка, нежели оценке его текущего состояния, а два – государственная политика в

отношении данного языка, включая его статус и использование, и отношение членов общины к родному языку (см.: [4, р. 13–16]) – авторами рассматриваются как дополнительные факторы. Логика не включать первый из двух последних факторов в число основных заключается в невозможности гарантировать сохранение языка и его долгосрочную жизнеспособность, вне зависимости от того, будет ли миноритарный язык в рамках избранной языковой политики государства запрещен к использованию вообще или наделяется таким же юридически официальным статусом, каким обладает единственный государственный язык [4, р. 13]. Что же касается второго фактора, по мнению авторов, он не может быть отнесен к основным факторам по причине субъективности отношения к родному языку каждого отдельно взятого члена языкового сообщества: «Члены языкового сообщества, как правило, неравнодушны к своему родному языку. <...> Когда отношение членов сообщества к языку положительное, язык может рассматриваться как символ их идентичности. Подобно тому, как люди ценят семейные традиции, праздники и общественные события, члены языкового сообщества могут расценивать язык как главную культурную ценность, жизненно необходимую для их сообщества и этнической идентичности. Если же члены сообщества видят в своем языке некое препятствие на пути к экономической мобильности и интеграции в мейнстримовое общество, то их отношение к родному языку может быть отрицательным» [4, р. 14].

Сомнение в целесообразности отведения упомянутым факторам в их значимости в сохранении жизнеспособности миноритарного языка второстепенной роли, исходя из собственного опыта полевого изучения исчезающих языков России, выражает Т. Б. Агранат: «...в последнее время у представителей миноритарных этносов возрастает этническое самосознание, которое, к сожалению, не всегда способствует сохранению языка. Но важно, что представители этносов, языки которых не имеют письменности, связывают возможность сохранения языка только с созданием письменности и преподаванием языка в школе. <...> Они связывают исчезновение языка с отсутствием письменности на нем. <...> Известны случаи, когда язык, благодаря наличию письменности, выучивается как иностранный представителями этноса и в какой-то степени продолжает развиваться, например, так происходит с ливским языком, который естественным путем давно перестал передаваться» [5, с. 405].

Опыт, сравнительно недавно пережитый автором этих строк, как, собственно, и представителями всего языкового сообщества, к которому он принадлежит, позволяет ему сделать вывод о первостепенности роли, которую играют в сохранении жизнеспособности родного языка факторы языковой политики государства и отношения членов общины к родному языку. Правда, в отличие от случая, описанного в предыдущем разделе, в настоящей статье речь пойдет о миноритарном языке, у которого уже имеется письменность, а именно о лезгинском языке. Цель статьи заключается в том, чтобы на примере несостоявшегося опыта внедрения для лезгинского языка, числящегося наряду с другими нахско-дагестанскими языками в Атласе в категории «уязвимый» (см.: [6]), еще одного алфавита продемонстрировать, какую опасность может представить подобный шаг со стороны государства для жизнеспособности миноритарного языка, а также предостеречь государство от любых планов по введению дополнительных письменностей для языков проживающих в них этнических меньшинств.

Лезгинский язык считается миноритарным в Российской Федерации и Азербайджанской Республике. Если анализировать текущее положение и состояние лезгинского языка в этих двух государствах, то можно будет установить, что лезгинский язык в какой-то степени оказывается еще и минорируемым. Таким прилагательным, производным от французского глагола *minorer* (преуменьшать, недооценивать, оценивать снизу), в работах франкоязычных исследователей, в частности у К. Джорджевич, характеризуется «язык, области использования которого ограничены юридически и фактически» или, говоря другими словами, язык, который «расценивается как менее значимый и легитимный в силу навязанной ситуации диглоссии» (цит. по: [7, с. 1091–1092]). Ж.-М. Касбарян предлагает десять социолингвистических критериев, с помощью которых можно охарактеризовать минорируемый язык, причем исследователь допускает, что минорируемый язык может характеризоваться как по всем десяти, так и лишь по части данных критериев (подробнее см.: [7, с. 1093–1094]). Если применить предлагаемые Ж.-М. Касбаряном критерии к лезгинскому языку в Российской Федерации, вернее в Республике Дагестан, где он наряду с рядом других национальных языков, в том числе русским, обладает статусом государственного, и в Азербайджанской Республике, где он такого статуса не имеет, то выяснится, что по совокупности некоторых из

критериев лезгинский язык в обеих республиках можно признать минорируемым. Эта совокупность включает такие критерии, как: а) отсутствие официального статуса, т.е. лезгинский язык не является официальным, ко-официальным и др. (в Азербайджане); б) отсутствие институционализованного использования, т.е. лезгинский язык не используется при составлении текстов официального или административного характера (в Дагестане и Азербайджане); в) ограниченность социальной значимости, что не дает преимуществ для носителей лезгинского языка в плане социальной мобильности или профессионального роста (в Дагестане и Азербайджане); г) отсутствие доступа к таким средствам массовой информации, как радио и телевидение (в Азербайджане). «Соответствие» лезгинского языка, а на самом деле и всех остальных национальных языков Дагестана, указанным критериям минорирования в республике можно проследить на примере многочисленных публикаций, выступлений, интервью представителей дагестанской интеллигенции, неравнодушных к судьбе своих родных языков и не скрывающих своей обеспокоенности по поводу их текущего состояния (см., например: [8]). О ситуации с лезгинским языком в Азербайджане, где и была несколько лет назад предпринята попытка внедрения для лезгинского языка еще одной письменности, речь пойдет ниже.

В 2018 г. 9-й номер общественно-политической газеты «Самур» (лезг. Самур), издаваемой одноименным лезгинским национальным центром в городе Баку (Азербайджан), вышел со статьей на первой странице под названием: «SOS!!! Один народ – два алфавита?» (азерб. SOS!!! Bir xalqın iki əlifbası?, лезг. Са халкъдиз къве алфавит?) [9]. Написанной одновременно на двух – азербайджанском и лезгинском – языках статья со столь настораживающе пугающим заголовком вряд ли мог ожидать даже самый преданный подписчик и заядлый читатель газеты. О том, что побудило авторов написать эту статью, становится ясно с первых же строк. Речь идет о том, что из различных источников до редакции газеты дошла весть (а позднее как бы в качестве подтверждения правоты доносившихся слухов в их руки попал и сам учебник по лезгинскому языку) о том, что в Баку для школ Азербайджана, в которых преподается лезгинский язык, а если быть точнее, для обучающихся 1-х классов этих школ издан учебник под названием «Алфавит». Событие действительно знаменательное. Однако, ко всеобщему изумлению, он был издан не на основе кириллицы, как это можно было бы

ожидать, а с использованием латиницы. Мало того, что учебник был издан с использованием непривычной для лезгиноязычного населения страны графики, его составление, судя по содержащимся в учебнике многочисленным грамматическим и речевым ошибкам, было поручено, по мнению редакции газеты, непрофессионалам, людям, не являющимся специалистами в области языкознания, а то и вовсе не имеющим высшего образования.

Попробуем абстрагироваться и уйти от соблазна поспешно трактовать упомянутое событие как продукт реализации целенаправленной языковой политики, проводимой в Азербайджанской Республике, в частности, применительно к языкам национальных меньшинств, и взглянем на развитие письменности лезгинского языка в исторической ретроспективе. Как известно из достоверных исторических источников, первая письменность лезгинского народа (а также всех остальных близкородственных лезгинскому народов, языки которых составляют лезгинскую языковую подгруппу нахско-дагестанской группы языков) была на основе албанского алфавита времен Кавказской Албании. Состоявший из 52 букв – 9 гласных и 43 согласных – и полностью отражавший все звуковое многообразие лезгинского языка, этот алфавит оставался в употреблении вплоть до V в. н. э. В V в. албанский алфавит был упрощен великим армянским ученым-языковедом Месропом Маштоцем, и число букв в нем было сокращено до 37: в таком упрощенном виде алфавит использовался в V–VII вв., до завоевания Кавказской Албании арабами. После арабского завоевания лезгины, как и другие дагестанские народы, были вынуждены пользоваться так называемой аджамской письменностью, в основе которой лежал алфавит, представлявший собой объединение букв арабского языка и 12 букв албанского алфавита для передачи гортанных звуков. Несмотря на то, что аджамская письменность обладала очевидными недостатками, например, она не передавала ряд звуков, а для передачи некоторых качественно отличающихся друг от друга согласных (г, гъ, к, кк, кI, къ) применялась одна и та же буква, она продолжала использоваться, как показывают сохранившиеся исторические материалы, вплоть до 30–40-х гг. XX в. Стоит ли говорить, что подобного рода недостатки вызывали трудности у читателя, которому приходилось, полагаясь исключительно на свой языковой опыт, самому распознавать, какой именно звук передается в данном конкретном случае, и тем самым осуществлять «дешифровку» слова.

Подобное неудобство в пользовании письменностью привело к тому, что в конце XIX в. лезгинские просветители начали задумываться над созданием нового алфавита. Такая попытка была предпринята в 1871 г. известным лезгинским ученым Казанфар беком Зульфикаровым из села Мамрач, расположенного в Южном Дагестане. Казанфар беком был издан учебник «Кюринская азбука», в котором был представлен новый алфавит и содержались написанные с его использованием тексты для чтения [10]. Позднее, в 1896 г., этот же алфавит предстает в монографии великого русского кавказоведа, лингвиста, этнографа Петра Карловича Услара (1816–1875), обучавшегося фонетике и морфологии лезгинского языка у Казанфар бека и являвшегося соавтором алфавита. Разработанный Казанфар беком и П. К. Усларом алфавит состоял из 49 букв – 7 гласных и 42 согласных [11, с. 8–20]. Сами буквы были взяты из трех языков: русского (37 букв), латинского и грузинского (в совокупности 12 букв). На основе алфавита Казанфар бека и П. К. Услара в 1911 г. была издана книга для чтения «Кюринский язык и первая книга для чтения» [12]. Указанным алфавитом пользовались до 20-х гг. прошлого столетия, но, к сожалению, он не получил широкой поддержки в народе, прежде всего по причине того, что и он не передавал в полном объеме звуковое многообразие языка.

Возникла необходимость продолжения поиска новых вариантов решения проблемы с письменностью. И таким решением, на первый взгляд многообещающим, оказалось внедрение в 1928 г. для некоторых народов Дагестана, в том числе лезгинского, латинского алфавита. Причем, как свидетельствуют материалы тех лет, латиница была в буквальном смысле навязана народам Дагестана без выяснения их мнения по этому поводу. Однако и этот алфавит не оправдал себя. Его жизнь оказалась чрезмерно короткой – всего лишь десять лет. Причины, по которым алфавит очень скоро прекратил свое существование, кроются все в той же неспособности охватить и учесть все фонетические особенности языка, не говоря уже об очевидном недовольстве в среде населения. В 1938 г. латинский алфавит был заменен кириллицей. Несмотря на то, что и этот алфавит не лишен недостатков (не учитываются 12 лезгинских фонем, привнесены ненужные буквы ё, щ, э, ю, я), он, тем не менее, отличается рядом преимуществ перед латиницей. Так, кириллический алфавит позволяет передавать согласные без придыхания. Благодаря наличию в кириллице таких графем

как **ь** и **ъ**, стало возможно обозначить на письме ряд специфичных фонем (гъ, гь, къ, кь, хъ, хь, уь) и заимствовать слова из русского языка в их исходном написании и др. Добавление в кириллицу графемы **І** позволило передавать на письме все взрывные гортанные согласные лезгинского языка (кІ, пІ, тІ, цІ, чІ). Неудивительно, что современный лезгинский язык, независимо от того, где на нем говорят и пишут (в Азербайджане или России (Дагестане)), продолжает использовать именно кириллицу.

Как видно из небольшого экскурса в историю письменности лезгинского языка, попытка внедрения латиницы для лезгинского языка в современном Азербайджане вовсе не считается новаторской. Удивительно лишь то, что те, кто задались этой идеей, по всей видимости, не хотят извлекать уроков из прошлого. Если задумка с внедрением латинского алфавита потерпела неудачу тогда, в конце 20-х гг. XX в., когда политические, социальные и экономические условия, казалось бы, были куда более благоприятные, чем сейчас, неужели «доброжелатели» думают, что она увенчается успехом сегодня, когда лезгинский народ имеет статус разделенного между двумя государствами?

Поражают ответы заместителя министра образования Азербайджанской Республики на встрече с делегацией сотрудников лезгинского национального центра «Самур». На поставленные вопросы и сделанные замечания о состоянии лезгинского языка в принципе (за последние 42 года для обучающихся 1-х и 2-х классов было издано всего лишь два учебника по лезгинскому языку; за последние 50 лет в стране не было подготовлено ни одного высококвалифицированного кадра для преподавания лезгинского языка и литературы, а единственный педагогический техникум, в котором велась подготовка преподавателей лезгинского языка и литературы для начальных классов, и тот был недавно закрыт; количество часов на преподавание лезгинского языка в школах сокращено с 2 до 1 академического часа в неделю и т.д.) (подробнее см.: [13]) конкретного ответа получено не было.

В подтверждение последнего тезиса можно привести данные из официального еженедельного издания Министерства образования Азербайджанской Республики «Учитель Азербайджана» (азерб. *Azərbaycan müəllimi*), в котором на постоянной основе в преддверии нового учебного года публикуются указы Министра образования об утверждении учебных планов для общеобразовательных учреждений на очередной учебный год. Если обратиться к

Приложениям 3 и 4 к Приказу Министерства образования Азербайджанской Республики от 28 июля 2022 г. № F-462 «Об утверждении учебных планов для общеобразовательных школ на 2022–2023 учебный год», можно обнаружить, что в этом учебном году, как, собственно, и в предыдущие учебные годы, на изучение лезгинского языка с 1-го по 9-й класс (в 10-м и 11-м классах занятия по лезгинскому языку почему-то не предусмотрены) действительно отводится по одному академическому часу в неделю [14].

А что касается поразившего лезгинскую общественность плана по внедрению латиницы, был получен следующий ответ: «По поводу Вашего вопроса могу сказать, что решение о замене алфавита принимает не Министерство образования. Мы являемся исполнительным органом. Этот вопрос не находится в нашей компетенции. Мы руководствуемся мнением и предложением Национальной академии наук. Свою работу мы выполняем в соответствии с государственной политикой. Другие малочисленные народы перешли на латиницу, и их язык преподается им на основе латиницы. И в этом смысле мы решили не отделять лезгинский язык от других языков. Да и мы сами, как народ, перешли на латиницу. Конечно, это было не просто. Мы столкнулись со множеством проблем. Но нам удалось преодолеть их. Не будем забывать, что во всем мире начинают все чаще пользоваться именно латиницей» [13]. Что касается учебника по лезгинскому языку на латинице, уже вышедшего в свет, в министерстве опровергли информацию о том, что подобный учебник уже напечатан, и заявили, что всякий учебник может быть выпущен в свет только после тщательной проверки со стороны специалистов, устранения всех содержащихся в нем недочетов и недостатков и получения положительной общественной оценки.

Подобные суждения из уст высокопоставленного чиновника все-таки побуждают нас (как бы нам ни хотелось удержаться!) поддаться соблазну заявить, что внедрение латиницы для лезгинского языка является четко продуманным шагом языковой политики, проводимой в Азербайджане в отношении языков национальных меньшинств. Страшно даже представить, какими могут быть последствия, если эта политика в ближайшей перспективе все-таки будет реализована. В настоящее время, насколько нам известно, эта программа «заморожена», потому что не нашла должного отклика у народа. Очень важную роль в этом сыграла своевременная, мгновенная реакция со стороны лезгинской общественности, как интеллигенции, так и простых граждан. К

сложившейся ситуации не остались равнодушны и лезгины по другую сторону реки Самур, проживающие в Республике Дагестан. Реакция выражалась как в форме официальных публикаций в газетах и журналах, в том числе электронного формата, так и в форме публикаций в различных группах в социальных сетях (см., например: [15]).

Несмотря на то что программа внедрения латиницы для лезгинского языка заморожена и в открытом доступе практически нет никаких материалов, которые могли бы предоставить более или менее точные сведения о том, как выглядит предлагаемый алфавит, представление о нем все же можно сформировать, если руководствоваться единственным, но надежным источником информации, доступным в сети Интернет. Речь идет об интервью, данном кандидатом педагогических наук, ученым и преподавателем лезгинского языка Гасанбалой Мамедовым (1947–2022) главному редактору лезгинского культурного журнала «Алам» и канала «Алам-ТВ» Кямрану Курбаналиеву [16]. Из слов Г. Мамедова, имевшего возможность в качестве руководителя комиссии по экспертизе учебников по лезгинскому языку при Министерстве образования Азербайджанской Республики лично ознакомиться с проектом учебника на основе латиницы, становится ясно, что алфавит не является продуктом целенаправленной деятельности какой-нибудь специальной группы, которой было поручено разработать новую письменность, а представляет собой ту самую версию латиницы, которая была в употреблении в советскую эпоху, с 1928 по 1938 гг. Общеизвестно, что этот алфавит выглядел следующим образом (рисунок) [17, с. 317].

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Ff	Gg
Qq	Hh	Ii	Jj	Kk	Ƙƙ	Ll	Mm
Nn	Oo	Pp	ƢƢ	Qq	Qq	Rr	Ss
Şş	Ss	Tt	ƤƤ	Uu	Vv	Xx	ƞƞ
ƞƞ	Yy	Zz	ƷƷ	ƹƹ	'		

Лезгинский алфавит

Если представленный выше алфавит действительно был использован в учебнике (пусть даже с незначительными изменениями в виде замены двух букв двумя новыми, о чем без конкретики говорится в интервью Г. Мамедова), то можно предположить, что в учебнике с большой долей вероятности нашли отражение и те лингвистические недостатки, о которых применительно к латинице советской эпохи пишут в своей статье

«Из истории лезгинского алфавита» (азерб. *Ləzgi əlifbası tarixindən*) С. Керимова и М. Меликмамедов [18, s. 5]. Назовем эти недостатки.

1. Алфавит не в состоянии воспроизводить 17 губных фонем, из-за чего язык «теряет» на письме порядка 250 слов. Так, если после букв **g** [г], **q** [гъ], **z** [з], **k** [к], **q** [къ], **q** [кь], **q** [кИ], **s** [с], **t** [т], **t** [тИ], **x** [х], **x** [хъ], **z** [цИ], **ç** [чИ] и не предусмотренных для записи письма на латинице диграфов в форме удвоенных согласных **kk** [кк], **tt** [тт], **s/s** [цц], не использовать дополнительную букву **v** [в], передающую соответствующую губно-зубную фонему, то возникает риск неправильного прочтения слова и распознавания заключающегося в нем лексического значения по причине сходства со словами с другим значением, в которых указанная буква не используется. Например, *qvar* | гъвар (бревно) – *qar* | гъар (борона); *qvel* | гъвел (крошка) – *qel* | гъел (сани); *qvana* | къвана (пошёл (о дожде, снеге)) – *qana* | къана (охладился); *qvət* | кIватI (комоч, сборище) – *qat* | кIатI (ящик для хранения снега); *svas* | свас (невеста) – *sas* | сас (зуб); *sval* | свал (горный воробей) – *sal* | сал (огород); *tvər* | тIвар (имя) – *tar* | тIар (боль) и др.

Следующие два недостатка связаны с отсутствием в алфавите в качестве отдельных букв знаков для передачи непридыхательных глухих согласных, три из которых, кстати, уже были упомянуты в предыдущем разделе. Эти согласные условно можно было бы обозначить в виде диграфов из удвоенных соответствующих придыхательных согласных: **kk** [кк], **tt** [тт], **pp** [пп], **s/s** [цц], **çç** [чч].

2. Алфавит не учитывает свойственный лезгинскому языку фонетический принцип, связанный с буквами **k** [к], **t** [т], **p** [п], **s** [ц], **ç** [ч]. В лезгинском языке эти графемы используются для передачи одновременно как придыхательных, так и непридыхательных (**kk** [кк], **tt** [тт], **pp** [пп], **s/s** [цц], **çç** [чч]) согласных. Важность этого принципа в высшей степени проявляется в тех случаях, когда от произношения согласного будет зависеть значение слова. Например: *çil* | чил (сеть) – *çil* [ççil] | чил [ччил] (земля), *çuru* | чуру (испорченный) – *çuru* [ççuru] | чуру [ччуру] (борода), *kar* | кар (дело) – *kar* [kkar] | кар [ккар] (рана), *tar* | тар (тар (музыкальный инструмент)) – *tar* [ttar] | тар [ттар] (дерево). Иногда ошибка в произношении может привести прямо к противоположному эффекту. Ср. *çuru* [ççuru] *tun* | чуру [ччуру] тун (оставить бороду, не бриться) – *çuru* *tun* [ççuru ttun] | чуру тун [ччуру ттун] (сбрить бороду).

3. Не учитывается еще один фонетический принцип, при котором звонкие взрывные согласные **b** [б], **g** [г], **d** [д], **q** [гъ], **z** [ж], **z** [з] в ударных слогах превращаются в соответствующие непридыхательные глухие согласные **pp** [пп], **kk** [кк], **tt** [тт], **s/s** [цц], **çç** [чч] (например, *qab* | къаб (посуда) – *qapar* [qappar] | къапар [къаппар], *rad* | рад (кишка) – *ratar* [rattar] | ратар [раттар], *mug* | муг (гнездо) – *mukar* [mukkar] | мукар [муккар], *mez* | мез (язык) – *mes'er* [mes's'er] | мецер [меццер]). По причине отсутствия в алфавите указанных диграфов передача на письме букв так, как они слышатся, не представляется возможной.

Справедливости ради стоит отметить, что последние два недостатка свойственны и современному алфавиту лезгинского языка на основе кириллицы. Так же, как и в латинской версии, в кириллическом алфавите диграфы **кк**, **тт**, **пп**, **цц**, **чч** отсутствуют в виде отдельных букв и за исключением отдельных авторов, принципиально употребляющих в своих работах эти диграфы в упомянутых выше лексико-фонетических случаях и в связи с этим высказывающих мнение о целесообразности включения этих диграфов в алфавит, практически не используются.

В заключение статьи хотелось бы ответить на важный вопрос, поставленный главным редактором газеты «Самур» в упомянутой ранее статье: «То есть получается, что лезгины Дагестана будут пользоваться кириллицей, а лезгины, проживающие в Азербайджане, – латиницей, то есть у одного народа должно быть два алфавита. Интересно, есть ли в мире еще какой-нибудь народ, у которого было бы два алфавита? ...» [9]. Есть. И как это ни парадоксально будет звучать, этим народом является азербайджанский народ, который в зависимости от страны (региона) проживания использует не два, а целых три алфавита: латиницу – в Азербайджанской Республике, кириллицу – в Республике Дагестан (Россия), письменность на основе арабского алфавита – в Иране. И тут важно сделать оговорку, дабы исключить всякую попытку отождествить рассмотренный в работе случай лезгинского языка с посвоему уникальным случаем азербайджанского языка: отличие между актуальным состоянием азербайджанского языка от состояния лезгинского языка на настоящем этапе его развития заключается в том, что сохранности и развитию первого абсолютно ничего не угрожает хотя бы потому, что в одном из упомянутых государств – Азербайджанской Республике – он обладает статусом мажоритарного и единственного государственного языка. Применение аналогич-

ного сценария в отношении языка миноритарного и минорируемого, коим, безусловно, является лезгинский язык, может сулить непоправимые последствия для его носителей, такие как затухание этнического самосознания, разрушение этнической идентичности, ускорение ассимиляции и в конечном счете полное исчезновение народа. Учитывая непростую, обусловленную совокупностью социальных, политических и экономических факторов ситуацию, в которой в настоящее время пребывает лезгинский народ, думается, что именно общая письменность продолжает оставаться, пожалуй, единственным связующим элементом, не дающим языку и народу расколоться на два самостоятельных языка и народа.

Список литературы

1. European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5.X.1992. 14 p. (European Treaty Series № 148).
2. Explanatory Report to the European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5.X.1992. 22 p. (European Treaty Series № 148).
3. Atlas of the World's Languages in Danger / editor-in-chief Ch. Moseley. 3rd ed. Abbeville : Imprimerie Leclerc, 2010. 222 p.
4. Language Vitality and Endangerment / International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangerment, Paris 10–12 March 2003. 27 p.
5. Агранат Т. Б. Миноритарные языки и письменность в эпоху глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Ин-т языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М. : Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 403–409.
6. Map 11 Caucasus // Atlas of the World's Languages in Danger / editor-in-chief Ch. Moseley. 3rd ed. Abbeville : Imprimerie Leclerc, 2010. P. 26–27.
7. Паско А. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 4. С. 1084–1102. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102>
8. Приймак А. Магомеды без родства // Звезда. 2015. 24 сент. URL: <https://zavtra.ru/blogs/magomedyi-bez-rodstva> (дата обращения: 30.09.2022).
9. Са халкъдиз къве алфавит? // Самур. № 9 (325). 28.11.2018. S. 1.
10. Кюринская азбука / авт.-сост. Казанфар-бек. Темиръ-Ханъ-Шура : Типография Штаба войскъ Дагестанской области, 1871. 57 с.
11. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание : в 6 т. Т. 6. Кюринский языкъ. Тифлисъ : Типография канц. Главноначальст. гр. ч. на Кавказъ, Лорисъ-Мел. ул., д. каз., 1896. 640 с.
12. Кюринская азбука и первая книга для чтения. Тифлисъ : Типография Канцелярии Намъстника Его Императорского Величества на Кавказъ, 1911. 67 с.
13. Kərimova S., Məlikməmmədov M. Görüş oldu, amma düyün açılmadı // Самур. № 2 (238). 28.02.2019. S. 2.
14. Ümumi təhsil müəssisələrinin tədris planları // Azərbaycan müəllimi. № 30 (8999). 05.08.2022. S. 4.
15. Один народ – два алфавита? // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия, 14.03.2019. URL: https://fnka.ru/jizn_obshin/12973-odin-narod-dva-alfavita.html (дата обращения: 30.09.2022).
16. Алам ТВ-дин мугъман Гъасанбала Мамедов // АЛАМ-ТВ, 09.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DFzPPe-MPSY> (дата обращения: 04.11.2022).
17. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 350 с.
18. Kərimova S., Məlikməmmədov M. Ləzgi əlifbası tarixindən // Самур. № 10 (326). 20.12.2018. S. 4–5.

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 12.05.2023